

щества голодныхъ крестьянъ, могутъ быть вынуждены начать дѣлать дѣла самыя ужасныя, какія только можно себѣ представить, могутъ начать убивать или истязать такъ же, какъ въ Орлѣ, виновныхъ людей, своихъ братьевъ, и они спокойно приближаются къ тому мѣсту и времени, гдѣ и когда это можетъ начаться.

Сказать, что люди эти, всё эти чиновники, офицеры и солдаты, не знаютъ того, что имъ предстоитъ и на что они ѣдутъ, — нельзя, потому что они готовились къ этому. Губернаторъ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о розгахъ, чиновники должны были покупать березовыя прутья, торговались и вписывали эту статью въ расходъ. Военные отдавали и получали, и исполняли приказанія о боевыхъ патронахъ. Всѣ они знаютъ, что они ѣдутъ истязать, а можетъ быть, и убивать своихъ замученныхъ голодомъ братьевъ и что начнутъ дѣлать это, можетъ быть, черезъ часъ.

Сказать, что они это дѣлаютъ изъ убѣжденія, какъ это обыкновенно говорятъ, и они сами повторяютъ, — изъ убѣжденія въ необходимости поддержанія государственнаго устройства, было бы несправедливо, во-первыхъ, потому, что всѣ эти люди едва-ли когданибудь даже думали о государственномъ устройствѣ и необходимости его; во-вторыхъ, никакъ не могутъ они быть убѣждены, чтобы то дѣло, въ которомъ они участвуютъ, служило-бы поддержанію, а не разрушенію государства, а въ третьихъ, въ действительности большинство этихъ людей, если не всѣ, не только не жертвуютъ никогда своимъ спокойствіемъ и радостью для поддержанія государства, но никогда не пропускаютъ случая воспользоваться для своего спокойствія и радости всѣмъ, чѣмъ только можно, въ ущербъ государству. Стало быть, не изъ за отвлеченнаго принципа государства они дѣлаютъ это.

Что же это такое?

Вѣдь, всѣхъ этихъ людей я знаю. Если не знаю лично всѣхъ, то знаю приблизительно ихъ характеры, ихъ прошедшее, образъ мыслей. Вѣдь у всѣхъ ихъ есть матери, у нѣкоторыхъ есть жены, дѣти. Вѣдь все это, большею частью, по сердцу доброе, кроткое, часто нѣжные люди, ненавидящіе всякую жестокость, не говоря уже объ убійствѣхъ людей, не могущие многие изъ нихъ совершать убійства и истязанія животныхъ; кромѣ того, все это люди, исповѣдующіе христіанство и считающіе насилие надъ беззащитными людьми гнуснымъ и постыднымъ дѣломъ. Вѣдь, ни одинъ изъ этихъ людей въ обыкновенной жизни не только не въ состояніи сдѣлать ради своей маленькой выгоды одну союзу того, что сдѣлалъ орловскій губернаторъ надъ людьми, но каждый изъ нихъ обыкновенно даже предполагаетъ о томъ, что

онъ можетъ въ частной жизни совершить чтонибудь подобное.

А между тѣмъ, вотъ, они въ получасѣ ѣзды отъ того мѣста, гдѣ они могутъ быть неизбежно приведены къ необходимости дѣлать это.

Что же это такое?

Но не только эти люди, ѣдущіе въ этомъ поѣздѣ и готовые на убійства и истязанія, но какъ могли тѣ люди, отъ которыхъ началось все дѣло: помѣщикъ, управляющій, судья и тѣ, которые изъ Петербурга предписали это дѣло и участвуютъ въ немъ своимъ распоряженіями, какъ могли эти люди: министръ, государь, тоже добрые, исповѣдующе христіанство люди, какъ могли они загѣять и предписать такое дѣло, зная его послѣдствія? Какъ могутъ даже не участвующіе въ этомъ дѣлѣ зрители, возмущающіеся всякимъ частнымъ случаемъ насилия, даже истязаніемъ лошади — допустить совершеніе такого ужаснаго дѣла? какъ могутъ они не возмутиться противъ него, не стать поперекъ дороги и не закричать: «нѣтъ, этого, убивать и сѣчь голодныхъ людей за то, что они не отдадутъ мошенически отнимаемое у нихъ послѣднее достояніе — этого мы не позволимъ!» Но не только никто этого не дѣлаетъ, но, напротивъ, большинство людей, даже тѣ люди, которые были заводчиками дѣла, какъ управляющій, помѣщикъ, судья и тѣ, которые были участниками и распорядителями его, какъ губернаторъ, министръ, государь совершенно спокойны и даже не чувствуютъ укоровъ совѣсти. Также, повидимому, спокойны и всѣ эти люди, ѣдущіе совершать это злодѣяніе.

Зрители, казалось бы, ничѣмъ не заинтересованные въ дѣлѣ, и тѣ, большею частью скорѣе съ сочувствіемъ, чѣмъ съ неодобреніемъ смотрѣли на всѣхъ тѣхъ людей, готовящихся къ совершенію этого гадкаго дѣла. Въ одномъ со мной вагонѣ ѣхалъ купецъ, торговецъ лѣсомъ, изъ крестьянъ, онъ прямо и громко выразилъ сочувствіе тѣмъ истязаніямъ, которые предполагались надъ крестьянами: «нельзя не повиноваться начальству», говоритъ онъ, «на то — начальство. Вотъ, дай срокъ, повыгонятъ блохъ. Небось, бросятъ бунтовать. Такъ имъ и надо».

Что же это такое?

Сказать, что всѣ эти люди: подстрекатели, участники, попустители этого дѣла такіе негодяи, что, зная всю мерзость того, что они дѣлаютъ, они — одни за жалованье, за выгоды, а другіе изъ за страха наказанія дѣлаютъ дѣло, противное своимъ убѣжденіямъ, — тоже никакъ нельзя. Всѣ эти люди умѣютъ въ извѣстныхъ положеніяхъ постоять за свои убѣжденія. Ни одинъ изъ этихъ чиновниковъ не украдетъ кошелекка, не прочтетъ чужаго письма, не снесетъ оскорбленія, не потребовавъ отъ оскорбителя удовлетворенія. Ни одинъ